

ЗАПИСКИ

КОЛЛЕГИИ ВОСТОКОВЕДОВ

ПРИ АЗИАТСКОМ МУЗЕЕ

АКАДЕМИИ НАУК

Союза Советских Социалистических Республик

ТОМ V

ЛЕНИНГРАД

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

1980

К изучению белуджского языка и фольклора

На карте, помещенной в т. X фундаментального труда Грирсона *Linguistic Survey of India* и изданной в 1921 г., крайним северным пунктом распространения белуджской народности и речи указан Наурузабад в Персии, несколько южнее Серахса. Однако, это не соответствовало действительности уже к моменту выхода в свет названной работы, и ныне прошло более четверти века с того времени, как белуджи перешли северные пределы персидских и афганских владений. К настоящему времени их более или менее значительные и прочные колонии сосредоточены в Байрам-алийском, Йологанском и Мервском (урочище Пермет-яб, около 40 км к северу от Мерва) районах Туркменистана, насчитывая в общей сложности около 4—4½ тысяч семейств. Около 400 семейств находится, сверх того, в Серахском районе, но они не землеустроены, и прочность их поселения там пока неизвестна.¹

Однако, вплоть до последнего времени, не только в научной литературе отсутствовали сведения об этих белуджах, но и общей печати о них было известно очень мало. Лишь статистический обзор Туркменской области за 1917—1920 гг. указывает белуджское сельское общество в Байрам-алийском районе, в составе 936 чел., причем преобладающим среди населения языком назван персидский. Эти сведения были повторены в Труды академической Комиссии по изучению племенного состава населения СССР (№№ 9 и 13), и лишь Отчет об экспедициях и командировках АН за 1927 г., стр. 248, сообщает некоторые дополнительные данные и отмечает сохранение белуджами Туркменистана родного языка, наряду с употребляемым ими также персидским. Некоторые сведения о родовом составе и быте

¹ Перепись 1926 г. (т. XVI, изд. ЦСУ) белуджей ТССР учла всего в количестве 9974 чел., но, вероятно, переписью не охвачено полностью все белуджское население пограничной полосы, довольно текучее по своему составу. Цифры, указанные в тексте, основаны как на административных подсчетах, так и на опросе самого населения в разных местах.

даются в работе Г. Карпова «Белуджи, краткий историко-этнографический очерк» (Туркменоведение, февраль 1928 г., № 2), в статьях д-ра Бурко, помещенных в Туркменской Искре летом и осенью того же года (№№ 192, 194, 195 и 197), и в только что опубликованном Е. Штейнберг описании «Поездки к белуджам» (Наши Достижения, июль 1930 г., № 7).

Последующее изложение основано на записях и наблюдениях, сделанных осенью 1928 г. у белуджей Байрам-алийского и частично Йолатанского районов. Оно имеет целью дать представление о белуджской речи, употребительной в Туркменистане, и о тех образцах народного творчества, в которых она выражается.

Как известно, описанные до сих пор белуджские диалекты принято делить на две группы: южную (или, по терминологии Грирсона, западную) и северную (по Грирсону, восточную). Для первой характерен более архаичный звуковой состав и сохранение смычных согласных (как глухих, так и звонких) во всех положениях, тогда как северные диалекты во многих случаях создали из смычных систему спирантов и аспират, отсутствующих в южной группе. С точки зрения этого разделения белуджская речь Туркмении является типичной представительницей южной группы.

В подтверждение можно привести много примеров:

- kārč* нож (южн.-белудж. то же, сев.-бел. *k'ārčā*);
gōk корова (южн.-бел. то же, сев.-бел. *gōx*);
pīg сало (южн.-бел. то же, сев.-бел. *pīγ*);
jaγar печень (южн.-бел. то же, сев.-бел. *jaγar*);
čam глаз (южн.-бел. то же, сев.-бел. *č'am*);
trus- бояться (южн.-бел. *turs-*, *trus-*, сев.-бел. *t'urs-*);
ārt мука (южн.-бел. то же, сев.-бел. *art'*);
dāta данный (южн.-бел. то же, сев.-бел. *dāda*);
ōdā там (южн.-бел. то же, сев.-бел. *ōdā*);
pād нога (южн.-бел. то же, сев.-бел. *p'ād*);
kōrag плечо (южн.-бел. то же, сев.-бел. *k'ōrag*);
šar ночь (южн.-бел. то же, сев.-бел. *šaf*).

Вообще, в произношении белуджей Туркменистана аспираты, равно как спиранты *θ* и *δ* отсутствуют вовсе, спиранты же *x*, *γ* и *f* встречаются лишь в сравнительно поздних заимствованиях, причем *f* только в индивидуальном произношении.

Точно так же, произношение гортанного *h* можно услышать только в очень редких случаях: в специальных выражениях, при очень напряженном произношении в начале слова, у отдельных субъектов или иногда в пении. Нормально же *h* не произносится. Историческое *h* отпало, независимо от его происхождения, во всех случаях: как в начале, так и в середине и в исходе слова. В этом отношении диалект туркменских белуджей отличается, как от северных, так и от южных диалектов. Соответствующих сопоставлений можно привести очень много:

- ātag* сырой (южн.-бел. *hātag*, сев.-бел. *hātaγ*);
- ar* осел (южн.-бел. *har*, сев.-бел. *k'ar*, *xar*);
- āk* земля, почва (южн.-бел. *hāk*, сев.-бел. *hāx*);
- ā-(murg)* яйцо (птицы) (южн.-бел. *haik*);
- and-* смеяться (южн.-бел. *kand-*, *hand-*, сев.-бел. *k'and-*, *xand-*);
- ōn* кровь (южн.-бел. и сев.-бел. *hōn*, *hūn*);
- ūk* свинья (южн.-бел. *hūk*, сев.-бел. *hūx*);
- ušk* сухой (южн.-бел. и сев.-бел. *hušk*);
- mī* гвоздь, кол (южн.-бел. *mīk*, сев.-бел. *mēx*, *mēh*);
- prā* широкий (южн.-бел. *prāh*, сев.-бел. *p'rāh*);
- nāin* ноговь (южн.-бел. *nākun*, *nāhun*, сев.-бел. *nāxun*);
- gwār* сестра (южн.-бел. *gwahār*, сев.-бел. *gwāhar*, *gōhar*, *gwār*);
- mā* рыба (южн.-бел. *māhī*, сев.-бел. *māhīg*, *māhīy*);
- bār* часть, доля (южн.-бел. и сев.-бел. *bahar*);
- bā* цена (южн.-бел. *bahā*, сев.-бел. *bhā*).

В тесной связи с отсутствием *h* находится своеобразное отражение исторической группы *-xt-*. По объяснению Гейгера, она должна была дать обще-белуджск. *-kt-*; в южном диалекте, вследствие перестановки, получилось *-tk-*, в северном — имевшая место спонантизация вновь дала *-xt-*:

- южн.-бел. *dōtka*, сев.-бел. *dōxt'a* спитый;
- южн.-бел. *rētka*, сев.-бел. *rīxt'a* пролитый;
- южн.-бел. *sōtka*, сев.-бел. *sōxt'a* зажженный;
- южн.-бел. *gētka* просеянный.

Белуджский диалект Туркмении, не имеющий *h*, сохраняет во всех этих случаях из группы только *-t-*:

dōtag, *rēttag*, *sōtag*, *gēttag*.

К этой же категории нужно отнести: *ātag* пришедший, южн.-бел. *ātka*, сев.-бел. *āxt'a*, а также *duttuk* кукла, дочь (поэтич.).

В отражении группы *-ðr-* диалект Туркмении также представляет особенности:

mās мать (южн.-бел. *māt*, сев.-бел. *māð*);
pīs отец (южн.-бел. *pīt*, сев.-бел. *p'ið*);
brās брат (южн.-бел. *brāt*, сев.-бел. *brāð*);
zāmās зять (сев.-бел. *zāmāð*).

Отличаясь, таким образом, по своей фонетике от уже известных образцов белуджской речи, в морфологическом отношении рассматриваемый диалект также своеобразен. Глагольная флексия настоящего времени имеет следующий вид:

ед. ч. 1. <i>-in</i>	мн. ч. 1. <i>-an</i>
2. <i>-āi, -ā</i>	2. <i>-it</i>
3. <i>-āt, -t</i>	3. <i>-an(t)</i> .

В прошедших временах 1 л. ед. ч. имеет окончание *-un*, 3 лицо, как обычно, не имеет окончания, остальные формы сходны с соответствующими настоящего времени.

Прошедшее причастие не отличается от южно-белуджского типа, но использование причастия, в качестве неопределенного наклонения, специфично для данного диалекта. Как в южном, так и в северном диалектах, инфинитив, он же вместе с тем и имя действия, образуется от настоящей основы: южн.-бел. *kanag*, сев.-бел. *k'anaγ* «делать, делание». — Но эти формы неизвестны туркменским белуджам, среди которых в значении инфинитива употребительно исключительно *kurtag(ā)* «делать». Зато для выражения имени действия у них имеется особая форма, образуемая от прошедшей же основы прибавлением суффикса *-in*: *kurtin* «делание», т. е. получается дифференциация, аналогичная существующей в таджикских говорах (ср. Иран, II, стр. 114).

Примеры:

man wantāgū na kanīn, kitābūi wantin sūkk-int я не умею читать,
 читать книги трудно;

ša zāgāi grētīnā от плача ребенка;

mnī waptīnāi waxtā во время моего сна.

Как видно из последних примеров, эта форма способна изменяться, в зависимости от падежа. В сложении с префиксом *b(i)*- она же может принимать личные окончания и, имея значение сослагательного наклонения, служит для выражения ирреального условия. В эпической поэзии ее употребление еще шире и она часто заменяет простое прошедшее.

Примеры:

agár man bgúštin-un ki amé kār mn̄ dastá na gít, man bi' t̄ā na k-átun
если бы я считал, что эта работа для меня бесполезна, я бы к тебе не приходил;

ē draaxt mn̄ bútin-ant! о, если бы эти деревья были моими!

Употребляемый в этих случаях (равно как при образовании повелительного наклонения) префикс *bi-* обычно сокращает гласный элемент, часто даже до нуля, и потому перед глухими выражается в виде *p-*, а перед носовыми — в виде *m-*: *pkan* делай (< *bikan*), *pkaš* тащи (< *bikaš*), *pkuš* убей (< *bikuš*), *mn̄ind* садись.

Для характеристики системы глагола весьма существенным является способ выражения субъекта при прошедшем времени переходных глаголов. В этом отношении диалект, представленный в Туркмении, отстает от общепринятой белуджской нормы, и косвенный падеж для выражения подлежащего уже не употребляется. Поэтому *ē zāg ā zāgá jat* значит только: «этот мальчик прибил того мальчика», но не наоборот, в противоположность приводимому Гейгером аналогичному примеру: *ē mardā ā mard jat* dieser Mann schlug jenen Mann (Grundriss der iranischen Philologie, I-2, 239).

Прочие глагольные особенности второстепенны.

Морфология имен также представляет отличия, хотя ее основные свойства: образование множественного числа на *-ān* и косвенного падежа на *-ā*, разделяются всеми известными диалектами. Точно также уже отмечен, хотя и не повсеместно, родительный падеж множественного числа на *-ān-ī*. Но в образовании родительного падежа единственного числа рассматриваемый диалект более оригинален и получает его прибавлением *-āġ* (> *-ā'* > *-ā*). Поэтому *mardāġ sar* «голова мужчины», а не *mard sar*, как в южном, и не *marda sar*, как в северном из основных известных диалектов (Linguistic Survey of India, X, 341). При этом родительный падеж существительных воспринимается, как прилагательное, и поэтому может принимать дополнительное окончание косвенного падежа *-ā*:

(*bi*) *watí brás-äi-ā* к своему брату, у своего брата;

bi amé aspáï wáünd-äi-^uā к хозяину этой лошади, у хозяина этой лошади;

bi' tí-ā к тебе, у тебя.

Повидимому, в силу такого понимания родительного падежа, он обычно соединяется с послелогоми, выражающими большинство падежных отношений: *bi watí pis-äi padā* за своим отцом (вслед).

Из местоимений заслуживает упоминания включительная форма личного местоимения множественного числа, не отмечавшаяся в опубликованных образцах: *mašmā* «мы с вами», в противоположность *ammā* мы (без вас) и *šmā* вы (без нас). В остальном отличия личных местоимений незначительны:

	Ном.	Сас. овл.	Ген.
я	<i>man</i>	<i>mnā</i>	<i>mnī</i>
ты	<i>ta</i>	<i>trā</i>	<i>tī</i>
мы	<i>ammā</i>	<i>ammā-rā</i>	<i>ammäï</i>
вы	<i>šmā</i>	<i>šmā-rā</i>	<i>šmäï</i>
мы с вами	<i>mašmā</i>	<i>mašmā-rā</i>	<i>mašmäï</i>

В качестве суффиксального местоимения 3 л. ед. ч. обычно употребляется, как и в северно-белуджском, *-ī*:

gušt-ī он сказал, *šut-ī* он ушел, *bgirit-ī* возьмите его!

В словарном отношении совершенно естественно, что рассматриваемый диалект тесно примыкает к южной группе, что очевидно уже из помещенных примеров. Однако, нужно упомянуть о некоторых лексических особенностях. Служащий для выражения исходного падежа предлог *ša*, *š-* «от, из», в описанных до сих пор диалектах отмечался в иных формах: *ač*, *čī*, *až*, *aš*, *ši*. Заимствование и широкое употребление персидского местного и направительного предлога *bi*, *b-* также до сих пор не отмечалось. Из слов, обозначающих «дом, жилище», туркменские белуджи обычно употребляют *gis*, *ges*: общебелуджское *lōg* имеет лишь пренебрежительное значение. Для выражения понятия «женщина, жена» служит производное *jīnēn*, *jānēn*: только в эпической поэзии употребительны *jan* в значении «жена» и *zāl* «женщина»; в разговорной речи последнее встречается лишь в сочетании *pīra-zāl* «старуха».

Изложенные факты свидетельствуют, что, хотя по основам своей фонетики белуджская речь Туркменистана входит в состав южной диалектической группы, однако целый ряд фонетических и морфологических признаков существенно отличает ее от основных южных диалектов, описанных Е. Pierce'ом (A Description of the Mekranee Beloochee Dialect) и Е. Moskier'ом (Grammar and Vocabulary of the Mekranee Beloochee Dialekt), работы которых дали главный материал для выводов и классификации Гейгера. Другие диалекты южной группы известны очень мало. По имеющимся и доступным образцам, можно отметить, что отражение исторической группы *-dy-*, как *-s-*, свойственное рассматриваемому диалекту, наблюдается еще в панджгурском диалекте, исследованном Гейгером на основании небольшого рукописного словаря, находящегося в Британском музее, а также в диалекте, образцы которого помещены Грирсоном в т. X Linguistic Survey of India и который, хотя его точное распространение неизвестно, повидимому, близко примыкает к панджгурскому. В этих же диалектах группа *-xt-* отражается, как *-ht-*: *ah̄ta(g)* «пришедший», *doht̄a* «спитый», что также несколько сближает их с диалектом Туркмении, особенно, если принять во внимание отсутствие в последнем звука *h*. К сожалению, морфология панджгурского диалекта неизвестна, так что сопоставления в этой области невозможны. Что же касается близкого к панджгурскому диалекта, образцы которого изданы Грирсоном, то наиболее существенным морфологическим признаком, сближающим его с рассматриваемым диалектом, является образование родительного падежа единственного числа на *-ai*, *-ē*: *ispētē aspāi zēn* the saddle of the white horse, что в белуджском языке Туркменистана звучало бы: *spētēn aspāi zēn*. Но, конечно, об отождествлении этих двух диалектов или об установлении особой их близости говорить не приходится. В этом убеждает даже беглый просмотр образцов. Необходимо, таким образом, признать, что в языке белуджей Туркменистана представлен особый диалект южной группы, хотя и приближающийся по некоторым свойствам к панджгурскому, но все же отличный от него.

Диалект туркменских белуджей, повидимому, дальнейших подразделений не имеет. По крайней мере, производившиеся наблюдения таковых не обнаружили, конечно, если не иметь в виду индивидуальных отличий. При этом языковая норма чувствуется очень отчетливо, и обращается большое внимание на ее соблюдение. Часто можно услышать, особенно среди молодежи, исправления неправильностей речи и даже насмешки над дурным

выговором: *ā duragá int, ēšī zabán zabr na gardīt balūciā* он ублюдок, его язык не ворочается как следует по белуджски! Особенно приходится считаться с такими упреками инородцам по происхождению или детям от смешанных браков.¹

Эта чуткость в отношении языковой нормы тем замечательнее, что туркменские белуджи двуязычны, и, за редкими исключениями, мужчины с детства усваивают, в качестве обиходного, и персидский язык. Он же вместе с тем является единственным языком письменности для грамотных, весьма, впрочем, немногочисленных. Однако, несмотря на создаваемую двуязычием благоприятную среду для восприятия чужеродных влияний и воздействий, на белуджской почве ярких форм развития таковых не заметно. Конечно, словарные заимствования из персидского чрезвычайно многочисленны. Но почти все они, особенно более старые, совершенно приспособлены к требованиям белуджской фонетики (*akikat* истина, *kāgad* бумага) и не нарушая языковой нормы, уже не воспринимаются, как заимствования. То же нужно сказать о серии старых заимствований из брахуи: *gut* горло, *digar* земля, *bag* стадо верблюдов, *gārum* стадо коров и др. Позднейшие заимствования, правда, менее приспособлены, но зато они должны были для своего признания семасиически дифференцироваться со старыми: новое заимствование *xabar* «известие, новость» противопоставляется вполне освоенному *abar* «слово, речь» (в сочетании *abar dātag* «говорить, разговаривать»), более новое *xudā* «бог» имеет более литературный характер, в противоположность старому *udā*, избегаемому в качестве простонародного, вульгарного. Или же новейшие заимствования пуристами языка отвергаются,

¹ К таким инородным группам прежде всего относятся довольно многочисленные выходцы из персидской среды, натурализовавшиеся среди белуджей и усвоившие их язык. Одному из белуджских родовых подразделений, так называемым *kukan*, целиком приписывается персидское происхождение, что объективно может быть подтверждено тем обстоятельством, что многие из них, несмотря на длительное сожительство с суннитами, до сих пор принимают участие в шиитских обрядах во время Мухаррама. Кроме того, нужно отметить несколько сот семейств брахуи (*brāūī*), живущих в течение весьма продолжительного времени в различных местах совместно с белуджами. Они настолько уже ассимилированы в бытовом отношении, что не только все без исключения говорят по-белуджски, но даже обычно, по культурному признаку, не отделяют себя от белуджей. В упоминавшейся работе Г. Карпова брахуи названы, как одно из основных белуджских подразделений. Однако, в большинстве, несмотря на усвоение белуджского языка, а также персидского, они сохранили и свой национальный, что заставляет их считать особой этнической группой. Употребительный у туркменских брахуи язык существенно не отличается от описанного в книге Denys Brau. *The Brahui Language*. Calcutta, 1909.

и употребление таких слов, как *ayiyat* (вместо *akikat*) или *kāyaz* (вместо *kāgad*) порицается, как варваризм.

Несомненно, развитию языкового чутья и внимания к фактам своего языка не мало содействовало богатство и разнообразие форм его художественного проявления.

В области устного творчества наибольшее значение принадлежит героическому эпосу. На него уже давно было обращено внимание, и потрудившийся более других на этом поприще M. Longworth-Dames объединил результаты своих тридцатилетних работ в специальном сборнике (*Popular Poetry of the Baloches*). И мало что можно было бы прибавить к его характеристике белуджской поэзии, если бы все делавшиеся сборы и записи не относились исключительно к восточному (т. е. северному) диалекту. Как указывает Грирсон, изданный им отрывок в 30 стихов (*Linguistic Survey of India, X, 371*) — единственный опубликованный образец западной (т. е. южной) белуджской поэзии. Между тем, героические песни (былины, баллады), называемые обычно заимствованным термином *šā'ir* (старое название *gāl* сейчас уже почти вышло из обращения) представляют немаловажное явление в жизни южных белуджей, или, по крайней мере, их туркменских представителей. Белуджи любят свои песни, понимают их значение и высоко ценят их. В песнях отражается их жизненный идеал, формируются представления о надлежащем поведении, всецело проникнутом идеей мужества (*mardī*), недостаток которого величайший позор. Художественные образы такого поведения, достойного доблестного мужа, по представлению белуджей, не вымышлены, и содержание песни — правда, при этом одновременно и правда-истина, и правда-справедливость. Высшая похвала для певца — возгласы слушателей: *rāst!* правда! справедливо! Действующие лица песен и их содержание известны уже из образцов восточного (северного) эпоса. Это — герои и богатыри легендарного прошлого и их подвиги в междуплеменной борьбе. Иногда содержание заимствуется из преданий о мусульманских святых и подвижниках, но эти песни менее популярны.

При большом значении, придаваемом белуджами эпической поэзии, совершенно естественно высокое общественное положение, занимаемое певцом (обычно он вместе с тем и поэт — *šā'ir*). Он всегда дорогой и желанный участник всякого мало-мальски значительного праздника. Без певца не обходятся брачные торжества, и его искусство подчас вознаграждается весьма щедро. Ханы приглашают к себе певцов на продолжительное

время, иногда из далеких краев (в 1926—1927 гг. один из знаменитых певцов Сеистана, по имени Джангиан (старший), провел продолжительное время среди белуджей Туркмении); некоторые даже стараются удержать при себе певца на постоянное жительство. С певцом считаются и боятся его обидеть: от него зависит, воспеть ценителя поэзии и тем увеличить его популярность, или, осмеяв обидчика в песне, повсеместно обесславить его, а опасение сделаться *badnām* («с дурным именем») — один из могучих стимулов поведения у белуджской знати.

В старое время, по рассказам, положение певца было еще выше. Певец являлся непременным участником совета родовых старейшин и вождей, и при решении важных дел, он давал своего рода поэтические справки из кодекса национальной чести, отыскивая соответствующие деяния в прошлом и воспевая легендарных героев. Иногда он принимал даже более активное участие, и когда между племенами возникали кровавые распри, вожди брали с собой певца, и он песней вдохновлял бойцов. Конечно, возможно, что эти рассказы лишь идеализация отдаленного прошлого, но и в таком случае им нельзя отказать в характерности.

По самой идее белуджской песни в ней нет места для вымысла: она должна быть правдива. Может меняться только художественная передача, и этой возможностью певцы широко пользуются,¹ отнюдь не избегая отступлений от традиционного текста, а даже часто заботясь о его большей оригинальности и подчеркивая ее, в отличие от песен других на ту же тему. Можно даже сказать, что почти каждая песня есть плод личного творчества ее певца, а текст ее всегда более или менее импровизирован.

К песням в тесном смысле слова не причисляется эротическая лирика, так называемые *lākō*. Это своего рода белуджские частушки, состоящие из неопределенного количества коротких двустиший. Одни из них представляют основной, постоянный фонд, другие меняются и часто импровизируются. Число их определяется талантом импровизатора и вниманием слушателей. Внешнее единство каждой отдельной *lākō* выражается определенным напе-

¹ В этом легко убедиться, сравнив песню о Балаче и Накибе, записанную в Туркменистане, с соответствующими образцами сборника M. Longworth-Dames. *Popular Poetry of the Baloches* (№ XVIII). При почти одинаковом размере обоих вариантов (155 и 149 стихов) примерно только треть представляет сходство в композиции, в остальной части содержание излагается совершенно самостоятельно. То же, хотя в меньшей степени, относится и ко второму публикуемому образцу (о Султানে Джум-джума), вариант (более подробный) которого издан в указанном сборнике под № LVII (Персидская версия легенды опубликована В. А. Жуковским, ЗВО., VII, стр. 63 сл.).

вом и размером стиха (от 5—8 слогов); некоторые *līkō* сопровождаются припевом, который повторяется после каждого двустипшия; таков один из публикуемых образцов, известный под именем *Kajir-jān*, по имени героини, упоминаемой в припеве. Каждое из двустипший, составляющих *līkō*, обычно представляет собою самостоятельное парное сочетание образов, большей частью, контрастных. Но это вовсе не обязательно, и иногда последовательность и связь образов улавливаются с трудом. Этого и не требуется. *Līkō* считаются «пустыми словами, бессмысленными речами» (*urken abar*), тратить на них время не достойно серьезного человека. Однако, несмотря на такое пренебрежительное отношение, *līkō* довольно популярны, особенно среди молодежи. Впрочем, не всегда проявляется подобная нетерпимость, и иногда на свадьбе *līkō* исполняется весьма почтенным певцом (*sāār*). Второй из публикуемых образцов (*Bībī-jān*) записан со слов поэта-профессионала, по имени Джангиан (младший, из района Йолотани).

Область народного творчества, где белуджская фантазия проявляется с особенной силой, почти не стесняемая условными рамками, это — сказки (*asmānak*). Их содержание весьма разнообразно, но, повидимому, преобладают сказки волшебные, наполненные самыми невероятными приключениями и чудесами. Сказка обязательно должна начинаться словами: «было (не) было, кроме нашего с вами бога, (лучше) никого не было». Конец сказки также обозначается формулой: «я оттуда выскочил, завязал (!), для себя снискал благоденствие, для вас доставил невесту». Шаблонное начало и конец — единственное требование, предъявляемое к сказочнику: в этих пределах его свобода ничем не ограничивается.

Как почти все иранцы, белуджи увлекаются сказками и, начиная с десятилетних детей, готовы рассказывать их при всяком удобном случае. Избегают только сказок днем, хотя бы к тому имелся и досуг и повод. Это неприято, и некоторые поясняют, что если рассказать сказку днем, может случиться несчастье в доме, где она была рассказана. Другие боятся неприятных последствий для самого рассказчика, особенно опасаются, что он может стать «растерянным» (*sargardān abūt*) и не будет в состоянии принять определенное решение в затруднительном случае или, отправившись куда-нибудь, начнет сомневаться и колебаться, и в нерешительности вернется домой. Чтобы избежать этих нежелательных последствий, вторая из публикуемых сказок, рассказанная в неурочное время, днем, только в качестве образца, была лишена рассказчиком типичных начала и конца.

ОБРАЗЦЫ БЕЛУДЖСКОГО НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА

Балач и Накиб

- 1 *šugr in^t gō mē rabbaḡ dārā,*
ništun be rindaḡ daptarā.
Bālāč ō Nakībī kissawāⁿ:
Dūda mulukēn bē-gunā
- 5 *yaḡšē na dārīt be dilā*
nīšta gō alk ō ṭakarā.
Sammī janōzanē ēdā
ništa be Dūdaāḡ gwarā.
Bēbarg akaḡt nā-rawā,
- 10 *rāḡt pa šikār ō šādīyā,*
čizē na dist ō bir gašt padā.
Sammāāḡ gorumā ḡata.
Sammī biguštīn pa dapā:
īṭi ta Dūda kam-xatā,
- 15 *nē mardāāḡ bōdišt tirā,*
Bēbarg akaḡt nā-rawā
gorumā ruptīn ša kū-čarā.
Dūda ke rummīt nun š-ēdā
kapt be Bēbargāḡ padā,
- 20 *burt ō rasēnt āi rā.*
ōdā be dar-tankāḡ dapā
janḡān dō-dēmī laggita,
gorumā gardēnt be padā.
Bēbarg beḡuštīn pu dapā:
- 25 *kaḡl int, māḡlīn trā zindagā,*
badnām kurtāḡ rindāḡ tahā.
yak aptagē nun gwast ša sarā,
Bēbarg š-ēdā rummita,
šutīn be Dūdāi sarā.
- ōdā be šāmānī ḡalā,*
Dūda mulukēn bē-gunā
wāpta be wābānī ḡalā;
yaḡšē na dārīt be dilā.
Dūda ša wābā ḡikkīta
sāḡā rā kuštīn rēsagā.
- drēč ku gō Bēbarg nā-rawā,*
Dūda yarībā kušt ēdā.
Bēbarg beḡuštīn pa dapā:
Nakīb ḡulāmē ša ḡahā
Bālāč kasan int be padā
- kaḡ agīt ōnāḡ ša man.*
apt sāl gwastīn ša sarā.
Bālāč yēr kapt ša kūā,
dōlānā sātīt brābirā:
ḡītī watī brāsāḡ janā
- kaḡtī Nakībō ša darā,*
ōdā ša mā bagāḡ padā,
pursī ša mē alkaḡ janāⁿ:
čē int s^mmāḡ alkaḡ binā?
dōlān pa čī kurtant tawār?
- zālān ḡawāb gardēnt padā:*
Bālāč agīt brāsāḡ janā
bad bū Nakībō nā-rawā
īṭi Bālāč kam-xatā!
nē mardāāḡ bōdiš tirā!
ta ke girāḡ brāsāḡ janā,
baččē bedantīn trā Xudā
bad-nām abaāḡ rindāḡ tā.

- ar čand ke mard šērāḡ narēn*
 60 *zālāḡ uzūrāḡ naukar int.*
ā mard ke ʷōnānā girant,
iṅgar ša zālān akanant;
sar-ǰāi singāḡ lonḡar int
wābī talārānī sar int
 65 *sʷyāyēn Nakīb gušt pa dapā*
man ke gulāmē un ša ǰahā
Dūda mʷna gipta pa bā,
yā Dūdaāḡ ʷōnā girīn,
yā aḡsi sarā ziyānā kanēn,
 70 *kallī ō āp gō tōšagā*
prēntī be čapēn kōpagā
zāmā be rāstēn paṅḡagā
šēwag būt be ǰālāḡ tagā.
Bālāč xayāl ku be dilā:
 75 *ē ke brāut, rindē pkušitī*
bad-nām abāin be ālamā.
prēntī ǰanāḡ saunānā,
kapt be Nakībōi padā
burt ō rasēntī āi rā
 80 *čē int, lālā, tī binā?*
biyā brawan pīrāḡ sarā.
ōdā Sultānāḡ laṅgarā
sāḡ sāl miništīn ǰāgawa.
Bālāč wābē dist ēdā:
 85 *pīra mnā dātī nun šapā*
ramag akāḡant kī sarā
ǰuptīy akāḡant brābirā
yakē lagīt š-ē sarā
yakē lagīt š-ā sarā;
 90 *amēš int mnī ō tī binā.*
Nakīb bguštīn pa dapā:
Bālāč, ta mnīndāḡ bē ǰamā:
Bēbargāḡ alk laḡḡita
ōdā be dar-tankāḡ dapā
- be Balxaiḡ čāi sarā* 95
ǰuptīy akāḡant brābirā
yakē lagīt š-ē sarā
yakē lagīt š-ā sarā.
gōn int Nakībō nā-rawā
goḡt ō prēntī čō nalā. 100
kaptant Nakībōi pa lā,
ǰista be mā ǰālāḡ tagā
Bālāč gōn int zām-ǰanēn
goḡt ō prēntī ša yak sarā.
Bēbarg beḡuštīn pa dapā: 105
īti trā Bālāč kam-xatā
nē mardāḡ bōdišt tirā
čēr āḡ čō duzzēn tolāgā
wābā kušāḡ brā-xundagā.
ta sī pkan ō biyā pa miḡā 110
warnā ša kullān dar rēčant
srēn basta ō čāḡ akanant
pa ǰistagēn mardāḡ padā
čōn zīndagā killant tirā.
Bālāč beḡuštīn pa dapā: 115
ōdā ke ǰaṅgāḡ haḡ-haḡ int
rūba ō tolāg bāḡ nāḡnt
sakkā psāt ta watī saṅgarā.
Bālāč akaḡt pa gōkalā,
Bēbarg trā mālum kurta ēdā! 120
tīrē na kašīyēn ǰata
pādaḡ čuṡun dāt ō šuta
ā čō sagā pariʷāt kurta
rīndān tamāmēn andītant.
Bālāčāḡ zāmāḡ drippagā 125
Bēbargā zurta larzaga
nāḡlīt kučak pa gardagā.
Bēbarg beḡuštīn pa dapā:
Bālāč kam pkan kēnagānā
rāǰāḡ mūgāḡmēn dutagā 130

	<i>yakē bgir ō mnind bēyamā.</i>	<i>čērgēj talārānā sar int</i>	
	<i>Bālāč bārak kurtī dilā</i>	<i>brāsē maza-dapēn loč int</i>	145
	<i>bad bū Nakībō nā-rawā</i>	<i>brā-zākē tēzēn xanjar int</i>	
	<i>zīti Bālāč kam-xatā</i>	<i>gwār-zākē pullēn ispar int.</i>	
135	<i>ta girāž si⁹alāž janā</i>	<i>Bālāč beguštin pa dapā:</i>	
	<i>baččē b¹dant t¹rā Xudā</i>	<i>ānčō pkanin, kasē ma kant</i>	
	<i>bad-nām aba⁹āž rindāž tū</i>	<i>ūkē ma kant gō arzunā</i>	150
	<i>ar čand ke mard šērāž nar int</i>	<i>garmēn lū⁹ar gō čullūkā⁹.</i>	
	<i>zālāž uzūrāž naukar int</i>	<i>amrē Xudāwand jūd akant</i>	
140	<i>ša turān ō lajan dar int</i>	<i>rastar ō šērān mič adant</i>	
	<i>ā mard ke ⁹onān agirant</i>	<i>šēr be pulangān sawār atant</i>	
	<i>iňgar ša zālān akanant</i>	<i>Bālāč ō Nakībāž kār atant.</i>	155
	<i>sar-jāi siňgāž lončar int</i>		

Содержание песни заимствовано из предания о родовой вражде Дуды и Бебарга (ср. Longworth-Dames. Popular Poetry of the Baloches, XVIII, также его же статью в Folk-lore за 1902 г., стр. 252 сл.). Бебарг отбил и угнал стада, принадлежавшие вдове Самми, находившейся под покровительством Дуды. Дуда вступает за Самми и возвращает скот. Бебарг предательски нападает на Дуду и убивает его. Балач, малолетний брат Дуды, забывает о мести, и через семь лет хочет жениться на вдове брата. Но преданный брат Дуды, Накиб, пробуждает в нем чувство долга. Они отправляются для послушания к наиболее чтимой белуджами святыне (*langar*) Султана, известного, в качестве покровителя верблюдов (ср. упоминание о нем также в *likō* о Каджир-джан, 12, стр. 670). Через три года святой старец посылает им во сне знамение и научает мести. Они с двух сторон нападают на Бебарга, и тот предлагает мир. Мирными переговорами песня оканчивается.

(Перевод)

1	Благодарение этой господней обители!	ничего не нашел и возвращался назад,	
	я воссел в совете рындов.	напав на стадо Самми.	
	Вот повесть о Балаче и Накибе.	Самми заговорила устами:	
	— Дудá справедливый и праведный —	«Позор тебе, обездоленному Дуде!	
5	не имеет он козней в сердце, —	нет мужества и запаха у тебя!	15
	пребывал с народом и племенем.	Бебарг приходит недостойный,	
	Вдова Самми здесь же	стада повыметал с пастбища».	
	приютилась подле Дуды.	Как снаряжается теперь оттуда Дудá,	
	Приходит Бебарг недостойный,	бросился вслед Бебаргу,	
10	идет на охоту и забаву;	пошел и достигнул его:	30

там в устье ущелья-теснины
 завязалась битва лицом к лицу;
 стадо вернул обратно.
 Бебарг заговорил устами:
 25 «Слово, что не оставлю тебя в живых!
 ты обесчестил (меня) среди рындов».
 Одна неделя прошла теперь с той поры,
 Бебарг оттуда снаряжился,
 отправился в поход на Дуду;
 30 там в разгаре вечерней поры
 Дуда справедливый и праведный
 спал в беседе со снами;
 не имеет он козней в сердце.
 Дуда, от сна встрепенувшись,
 35 троих убивал подряд;
 но столкнулся с недостойным Бебаргом
 и он убил здесь беднягу Дуду.
 Бебарг заговорил устами:
 «Накиб раб исконный,
 40 следом Балач младенец, —
 кто взыщет кровь на мне?»
 Семь лет проходило затем.
 Балач спускается с гор,
 барабаны приводит в порядок;
 45 он берет своего брата жену.
 Приходит Накиб снаружи,
 там сзади верблюжьего стада,
 спрашивает у женщин этой округи:
 «что готовится в вашей округе?»
 50 зачем зазвучали барабаны?»
 Женщины возвращают ответ:
 «Балач берет жену брата».
 Разгневался Накиб недостойный:
 «позор бездельному Балачу!
 55 нет мужества и запаха у тебя!
 вот ты берешь жену брата,
 и если сына даст тебе бог,
 обеспечен станешь ты среди рындов.
 Как бы ни был мужчина подобен льву,
 60 перед женщиной он как прислужник.
 Те мужи, которые взыскивают кровь,
 соблюдают воздержание от женщин;

изголовье (у них) — плоский камень,
 сон их на вершине шалаша».
 Устами сказал черный Накиб: 65
 «хоть я и раб исконный,
 за деньги взял меня Дуда, —
 или взыщу кровь Дуды,
 или единственную голову погублю».
 70 Мех и воду и припасы
 он положил на левое плечо,
 с мечем в правой руке,
 отправился в южную степь.
 Балач подумал про себя:
 «вот он пойдет, убьет его рынд, 75
 обеспечен буду я в свете».
 Он наложил развод на жеку,
 бросился вслед за Накибом,
 пошел и нагнал его.
 «Что ты, братец, задумал? 80
 давай, отправимся к старцу».
 Там в святыне Султана
 три года пребывали на месте.
 Балач однажды видел здесь сон:
 «старец ныне помощь мне дал: 85
 стадо овец идет по горам,
 пара (волков) подходит напротив:
 один хватает с этой стороны,
 другой хватает с той стороны;
 90 таков приступ и мой и твой».
 Накиб заговорил устами:
 «Балач, ты сиди безмятежно,
 Бебаргово племя откочевало
 туда к устью ущелья-теснины,
 95 что возле Бальхова колодца».
 Пара (как волки) подходит напротив:
 один хватает с этой стороны,
 другой хватает с той стороны.
 Вот Накиб недостойный,
 как тростинки, сечет и швыряет. 100
 Бросились вслед за Накибом,
 он побежал в ту южную степь.
 Вот Балач, потрясая мечом,
 сечет и швыряет с другой стороны.

- 105 Бебарг заговорил устами:
«Позор тебе, бездельный Балач!
нет мужества и запаха у тебя!
Ты прячешься, подобно вору-шакалу,
во сне убиваешь названного брата!
- 110 Ты сделай вызов и приходи на бой:
юноши стремятся из домов,
стянув пояс и горя рвением;
(если ты гонишься) за убегающим,
как оставят в живых тебя?»
- 115 Балач заговорил устами:
«там, где раздался шум битвы,
нет места лисе и шакалу;
ты накрепко береги свой стан».
Крадучись подходит Балач, —
- 120 но вот тебя заметил здесь Бебарг!
Стрела пущена неудачно:
слегка задела ногу и скользнула, —
он, как собака, испустил крик,
а рынды все засмеялись.
- 125 От стука меча Балача
Бебарга ударило в дрожь;
даже собаке не даст пробежать!
Бебарг заговорил устами:
«Балач, умерь ненависть,
130 и лучшую девушку племени
- возьми, и живи безмятежно».
Сжалось сердце Балача,
но разгневался недостойный Накиб:
«позор тебе, бездельный Балач!
ты возьмешь из рода жену,
135 и сына если даст тебе бог,
обеспечен ты будешь у рынды.
Как бы ни был муж подобен льву,
перед женщиной он прислужник,
он вне почета и чести. 140
- Те мужи, которые взыскивают кровь,
соблюдают воздержание от женщин;
изголовье (у них) — плоский камень,
постель — на верху шалашей;
145 братом у них — меч с большим лезвием,
сыном брата — острый кинжал,
сыном сестры — украшенный щит».
Балач заговорил устами:
«как я поступлю, никто не поступит:
кабан не поступит с просом, 150
жаркое лето с мелкой рыбешкой».
— Завет устанавливает Господь,
хищным зверям и львам назначает
войну.
Львы над барсами одержали победу.
Таковы были дела Балача и Накиба. 155

Султан Джум-джума («череп»)

- 1 *yā ilāhim, yā ilāhim,*
ālamaḡ nūrēn xudā!
azratī Isā rawān būt
pa šikār ō šādī⁹ā.
distatī uskēn kadūlē
kapta barr ō beḡdīān.
kirm ō mōrān jā ku(r)ta,
mār ō zūmān rā ku(r)ta.
- 5 *ē cē kasē būta ke*
āta barr ō beḡdīān?
- azratī Isā walīyēn,*
cēwa pursāḡ ta m'nā?
man ke atun pādšāē
nām-un Sultān jum-ḡjuma.
ša manā ukm ō karārā
ič gida ākum na-w at,
rō dar-āt tā rō nišīnā
mučče ālam pa larzag at.
yak azār ḡwānēn sipāī
pa šikārā gō man at,
- 10

*yak azār zandēn naryān at
zēn ō sanjīš nuḡra^w at,
yak azār kārāḡ kanīz at
muč pa āpaḡ kašagā,
yak azār sⁱyāēn gulām at
alḡa-gōš wuštāt atan^t,
yak azār pākēn suwāḡl at
muč manī māḡēn jan at,
15 yak azār kārcāḡ kassāb at
pa gurandāḡ kōṡagā.
ar kasē tālār jītā at
nān ō gōšt gō dummagā.
laškar-un bāz ō bisyār at
čō ke māšāḡ dānagā,
čō ke māšāḡ dānagā
kuntičāḡ urtēn barā*

*māl-un bāz ō bisyār at
ša ganḡi Kārūn gēštīr at.
malka-mut zilli-ilāēn
kāḡt pa sūāḡ giptinā
kāḡt pa sūāḡ giptinā
kaḡdā kant čō lēḡawā
kaḡdā kant čō lēḡawā
prēntagē ša markabā.
muč-un ku(rt) šārāḡ tabībā,
ar kas-un dārū dawā ku(rt),
ar kas-un dārū dawā ku(rt),
ič na būt dastgīr mⁱnā:
ša dō čzā ḡpīl atun:
ša namāz ō rōčagā.*

(Перевод)

1 О боже, о боже,
боже, освещающий мир!
Святой Иса отправился в путь
для охоты и радости.
Он увидел высохший череп
упавший на сушь и пустыню.
Черви и муравьи там поселились,
змеи и скорпионы проложили до-
рогу.
5 Что это за человек был,
попавший в сушь и пустыню?
— Святой Иса угодник,
зачем спрашиваешь ты меня?—
— меня, который был царем,
по имени Султан Джум-джума.
Над моим приказом и правилом
вовсе не было владыки.
От востока до запада
весь мир был в трепете.
10 Тысяча молодых витязей
на охоту со мной отправлялись;

была тысяча откормленных коней
с седлами и сбруей из серебра;
была тысяча рабочих рабынь —
все для переноски воды;
была тысяча черных рабов —
с кольцами в ушах они стояли;
была тысяча ясных звезд —
всебыли моими дуноликими женами;
была тысяча мясников с ножами —
разрубать бараньи туши.
У каждого человека был особый шатер,
хлеб и мясо с салом.
Мое войско было велико и многочис-
ленно,
подобно зернам маша, —
подобно зернам маша
и мелким плодам кунджута.
Мое богатство было велико и обильно,
больше сокровищ Каруна.
Но ангел смерти, тень божья,
приходит взять душу;

приходит взять душу,
 вот он опутывает как верблюда,
 опутывает как верблюда,—
 и вот уже сбросил с корабля
 (жизни).

Я всех собрал городских врачей,
 и всякий давал мне лекарства и
 снадобья;
 всякий давал мне лекарства и снадобья,
 но не было никакой помощи мне:
 я пренебрегал двумя вещами:
 молитвою и постом.

25

Каджир-джан

Припев:

mnā armān Kaḡīr-ḡānī У меня тоска по Каджир-джан,
parḡāḡ sāḡl be čammānī в ее глазах взгляд пэри.

(повторяется после каждого двустишия)

1 *kitābā b'ḡār ke man b'ānīn,*
kitābāḡ mānī'ā bzānīn.

ḡānik rusta čō anḡīrā
sarī kapta ḡō bad-šīrā.

ḡānikāḡ āskēn čamm ant,
ḡānōzan čillagāḡ čamm ant.

ḡānik zurta watī adatā
bačak trusīt ša kiyāmatā.

10

ḡānikāḡ brā ō baladā
ḡānōzan kapta pānādā.

kitābāḡ bāragēn rāē
Kaḡīr-ḡān čārdaḡḡ māē.

ḡānikāḡ čūčūkā sōr pkan
ḡānōzanā bgīr ō ḡōr pkan
 (|| *ḡānōzanāḡ xatā kōr pkan*).

ḡānikāḡ māparr-ant zarrī
ša Sultānāḡ kūā parrīt.

5 *ḡānikāḡ ḡāmagā ḡwand kan,*
ḡānōzanā ḡīr ō kanḡ kan.

kalāmān ḡipta tī māsā
na pušīt mnī gulā xāsā
 (|| *kē trā na pušita xāsā*).

ḡānikāḡ ḡāmagā tū kan,
ḡānōzanāḡ dapā ḡū kan.

kapōtāḡ ižzag ō šaukē
ḡānikāḡ gardināḡ taukē.

ḡānik ništa be mē taxtā,
xudā prēnīt m'nē baxtā.

sar-un kapta ḡarībḡyā
dīl-un mānta pa bībḡyā.

15

ḡānik rusta čō mē tīrā
xudā prēnīt m'nē ḡīrā.

(Перевод)

- 1 Принеси книгу, чтобы я прочитал
и узнал содержание книги
У девушки глаза, как у газели,
вдовы — как старые овцы в зимние хо-
лода.
- От роста и изящества девушки
вдова привалилась на бок (от стыда)
У девушки мизинец окрась,
вдову возьми и брось в могилу
(|| вдовый след истреби).
- 5 Для девушки сделай короткое платье,
вдову возьми и закопай.
Для девушки сделай широкое платье,
вдове испражнись в рот.
Девушка сидит на возвышении, —
пусть бог пошлет ее на мой жребий!
Девушка вытянулась, подобно столбу
в шатре, —
пусть бог пошлет ее на мою долю!
- Девушка выросла, подобно фиговому
дереву,
но голова ее попала к злодею.
Девушка уже овладела своими повад- 10
ками (в любовной игре),
но юноша боится страшного суда.
Книги (т. е. прописной морали) дорога
узкая,
а Каджир-джан как месяц четырнадца-
того дня (в полнолуние).
Девичьи косы украшены монетами,
она (невинна, точно) спускается с Сул-
тановой горы (после богомолья).
Писаниями поражена твоя мать:
не одевает она мой цветок в тонкие
ткани
(|| потому что она не одела тебя в тон-
кие ткани).
У голубя порхание и вожделение,
у девушки на шее — ожерелье.
Моя голова попала на чужбину, 15
мое сердце осталось ради госпожи.

Биби-джан

- 1 *pa-utī sawābā*
bdāḡ mnā ḡawābā.
mēšanā xāl-pušt,
tī ḡamā mnā kušt.
pa mnā dilā bīt,
pōš tī tilā bīt.
dō dil ḡam-dil bīt,
ḡinnatāḡ gul bīt.
- šēpānk ša gazā,*
čukḡ ša sabzā.
dil ḡō xayālā,
rang čō palalā.
tī baḡōēn čammān
siyā pkanāḡ pa man.
čādir tilāi
wada tirmāi.
- 5

- dasmāl tī dastā,
γand sarāḡ basta.
- 10 jālā diʾātē,
Bur-jān xāyātē.
wābāḡ čō āskā,
prēncīn tī bāskā.
sittāḡ nar āskā,
pruśant tī bāskā.
pōz ō pōz-bandāḡ
pūxāḡ, na ʰandāḡ.
kāʰāḡ ō kōštāḡ,
mnē dilā prōštāḡ.
- 15 ništaḡāḡ kūkī,
tī luntā čukkīʳ.
kalla-dār dramme,
aʳulū čammē.
guṭā tī taḡkē
gardāḡ pa šaḡkē.
guṭā tī pōtē
sabzēn kapōtē.
guṭā tī lāl ant
ša ikkīʳā jāl ant.
- 20 mōrag kattār ant
be ḡōdan sʳwār ant.
biyā, bra bāḡāḡ tā,
šalwār tāyāḡ tā.
pollūk tī pōzā,
guṭ čō surōzā.
šīpōl nalāḡ tā,
ta biyā mnē dilāḡ tā.
- tī siʳāēn ḡidana,
tī wašēn lisāna.
tī kučak ḡwak kant,
dil-sōča ḡak kant.
šap ke karār int,
tī kaušāḡ tawār int.
ḡēs tī panā int
dastāḡ čamā int.
tī dantān ridēn ant
tī lunt kāḡadēn ant.
aḡr ant ō ḡwāt ant
dōstāḡ saḡḡāt ant.
Mārī ō Taḡan,
dōstāḡ padā bjan.
Mārī ḡālōw ku,
dōstā kulāw ku.
čalla tī čār ant
zargarāḡ kār ant.
čalla tī šaš ant,
sōrāḡ sēm-kaš ant.
suwār bāḡ biyānā,
sāḡl pkan ḡiyānā.
suwār bāḡ komāḡtā
ēr pkap ḡūwāḡ tā.
kalladār tī guṭā,
čukkīn tī luntā.
kalladār guṭī,
srēnī yak muṭī.
mnīndan am-zānā,
čūšīn tī zwānā.

badḡi batē bīt
bēdāi šatē bīt.

40 *āpā ma kan ḡil,*
trakkūt mnī dil.

tī lāpā zāḡē,
mnī dilā dāḡē.

ḡalāi watan bīt,
dastmāl čakan bīt.

ša dilāi dūtā
sar ḡanāi lūtā.

kaḡšā pādā pkan,
ša dōstā salā pkan.

kaḡšān čangakē,
biyā, mnī kaḡakē.

45

(Перевод)

1 Ради своего спасенья,
дай мне разрешение.

Овечка с отметиной на спине,
твоя скорбь меня убила.

Будет по моему сердцу,
будет у тебя платье из золота.

Пусть будут два сердца согласны,
пусть будет райский цветок.

5 Как трость из (дерева) газ,
ее поцелуй из свежести.

Когда сердце в задумчивости,
цвет лица как блеклая солома.

Твои глаза молодой газели
почерни ради меня.

Золотое покрывало
осенней поры.

В твоих руках платок,
а в нем завязан сахар.

10 К югу (вниз) есть деревня,
там есть Бур-джан швея

Ты спишь как газель,
я обниму твою руку.

зкв, в.

Ты прыгаешь, как самец газели, —
сломятся твои руки!

Нос укутан покрывалом,
ты молчишь, не смеешься.

Ты приходишь и стоишь,
мое сердце разрываешь.

Ты села спесиво, —
я поцелую твои губы.

15

Много калладаров (т. е. золотых монет
в ожерелье),
глаза молодой газели.

На твоей шее ожерелье,
ты ходишь спесиво.

На твоей шее повязка,
как смуглый голубь.

На твоей шее рубины
пониже адамова яблока.

Кораллы рядами
оседлывают грудь.

20

Давай, пойдем в сад, —
штаны лежат в нише.

Серьга в твоем носу,
горло, как скрипка.

43

Свист в флейте,
приди в мое сердце.

Твой черный шатер,
твой приятный язык!

28 Твоя собака лает,
милый друг кашляет.

Ночью, когда стихнет,
слышен звук твоих туфель.

Дом — твой покров —
близок, как глаз.

Твои зубы — ровными рядами,
твои зубы (белы), как бумага.

Дожди и ветры —
подарки от друга.

30 О Мерв и Теджен!
иди вслед за другом.

В Мерве поспели дыни,
пошли известие другу.

У тебя четыре перстня,
они — ювелирной работы.

У тебя шесть перстней,
они — из золотой проволоки.

Сядь верхом на жеребенка,
сделай прогулку по свету.

Сядь верхом на скакуна,
спустишь в арык.

Калгадар у тебя на шее,
целую тебя в губы.

Калгадар на ее шее,
ее стан с кулак величиною.

Сядем колено к колену,
я буду сосать твой язык.

Пусть будет (возлюбленная), как пестрая
утка,
пусть будет, как ивовая трость!

Не взмучивай воду, 40
мое сердце разрывается.

В твоем животе ребенок (от другого),
в моем сердце язва.

Пусть будет родина на юге,
пусть будет вышитый платок.

От дыма в сердце
преклоню голову в пустыне.

Надевай на ноги туфли,
у друга спроси совет.

Туфли с крючками, 45
приди, ты с завитками.

С к а з к и

I

1 *būt būt, čap ša xudā kásē (gētír) na būt.* 2 *yak wáxtē at, đōñkē wa yak rōtíñkē at.* 3 *ē rōtíñk gúštī: b'yā, brawán, yak jáē ārusíē ast. đōñk gušt: šar, brawán.* 4 *rōtíñk dēmā būt, đōñk be aī padá būt.* 5 *ē šútant be mā ārusíäjä, bāzén nān ō góštē wártant, wat rā sér kurtant.* 6 *šamódā pádā watí jágá ātant, be ráā yak jwákkē b-ēsánē dēmá dár āt.* 7 *ē đōñk gúštī: ta kup pkan. rōtíñk gúštī: tá kup pkan.* 8 *đōñk kup kurt, āpáj miāñjīnā kapt. rōtíñk andít, andít, trakkítī.* 9 *šamódā jístun ō bástun, pa wat ĩmāñē ā'úrtun pa' ta dištárē.*

(Перевод)

1 Было было, кроме нашего с вами бога, никого (лучше) не было. 2 Было время, был комок земли, и была кишка. 3 Кишка сказала: «давай, пойдем, в одном месте есть свадьба». Комок земли сказал: «хорошо, пойдем». 4 Комок земли был впереди, кишка сзади него. 5 Они прошли к месту той свадьбы поели много хлеба и мяса, насытились. 6 Пошли назад во-свояси. По дороге попалась им на встречу канава. 7 Комок земли сказал: «ну, прыгай!» Кишка сказала: «ты прыгай!» 8 Комок земли прыгнул, и упал в середину воды. Кишка смеялась — смеялась и лопнула. 9 Оттуда я выбежал, завязал, для себя снискал благоденствие, для тебя привел невесту.

II

1 *yak wáxtē yak pādsāē at.* 2 *pādsā yak brā-zákē dāšt.* 3 *pādsā yak jāñíkē dāšt.* 4 *amē pādsāāi brā-zák watí písá gušt ke: mnē nākóāi jāñíkā pa man alás pkan.* 5 *ē pādsā šut watí brāsájä.* 6 *watí brāsá gušt ke: watí jāñíkā be mnē zāgá bdäi.* 7 *pādsā gušt ke: mnē jāñík watí ixtiārā wat dārít.* 8 *jāñíkā sóč kurtant.* 9 *jāñík gušt ke: Nēkī-dar-jiyāñāi unārā pa man biyārít, gudá girín-ē.* 10 *ē šut, watí zāgá gušt ke: jāñík amē rang gušt:* 11 *Nēkī-dar-jiyāñ unār dārít ke yak sālág mudát dārít,* 12 *ke yak sālágā unārā bzúrít am kušít-ē, ma bzúrít am kušít-ē.* 13 *ē cōr'āi pis watí zāgá burt be Nēkī-dar-jiyāñāi.* 14 *Nēkī-dar-jiyāñ gušt ke: ātágít, mníndít.* 15 *Nēkī-dar-jiyāñ šut pa*

šikārā, ē zāg amédā muǰúl-gwāzīyā kurt. 16 dīstī, ša burzāgā dōnkē kapt. saǰ¹ kūrṭī ke: mazānēn kuškē burzēn. 17 amē burzēn yásrāǰ sará jānīkē. 18 ē jānīk guštī: aǰ cōrī, ta Nēkī-dar-ǰiyānāǰ unārā amē-rangī^uā zúrāǰ? 19 cōrī gušt ke: napá cōn kanīn? 20 jānīk gušt ke: mnā girāǰ ke man trā nisānā dāīn. 21 cōrī gušt ke: ān, man trā girīn. 22 jānīk wānt, pa wāntīnā rāē paǰdā büt. 23 ē jānīk Nēkī-dar-ǰiyānāǰ jānīk at. 24 ē ša Nēkī-dar-ǰiyān pa ilmā puxtatīr at. 25 cōrī amédā tā yak sāl wānt. 26 Nēkī-dar-ǰiyān ke édā ma bütin, šut be jānīkāǰā, ódā wānt. agá édā bütin, na šut. 27 tā yak sāl ša Nēkī-dar-ǰiyān puxtatīr büt. 28 sālē kē purrá büt, cōrīāǰ pis āt pa padāǰ ke bárt-ī. 29 gušt ke: ta Nēkī-dar-ǰiyānāǰ unārā zurtāgā na kanāǰ, biyá brawán, ke trā kušīt. 30 zāg gušt: šarr, brawán. ē šútant, ša padāǰš Nēkī-dar-ǰiyān āt. 31 Nēkī-dar-ǰiyān zāgē dāšt, wātī zāgá sóc kurt ke: guǰá šut? 32 zāg gušt ke: písī āt ō burtē. 33 Nēkī-dar-ǰiyān padāǰš kapt. 34 amá zāg wát rā yak lēdāē kurt. 35 watī písá gušt ke: mnā bá kurtāǰ, mnī aysārā ma dāǰ. agar ar cínka zar trā dātant, mnī aysārā ma dāǰ. 36 Nēkī-dar-ǰiyān āt, dīstī ke ē wat rā lēdāē kurtá. 37 Nēkī-dar-ǰiyān ša dēmāǰš šut ō wat rā tāǰirē kurt, pañǰá uštīr bār bastá aysār kurt ō āt. 38 édā āt, pīra-márdā gušt: uštīrā bā kanāǰ yā na kanāǰ? 39 pīra-márd gušt ke: ān, bá kanīn. 40 gušt kē: cínka rā daāǰ? 41 gušt ke masalán yā pānzdá cīrwán yā bīst cīrwán. 42 gušt ke: šarr, girīn, gušt: girīn-ī, aysārā ^uam bdāǰ. 43 gušt ke: aysārā na dāīn. 44 gušt kē: trā ša mnī uštīrān yak uštīrā gō bārā dāīn. gušt ke: na dāīn. 45 gušt ke: amé pañǰá uštīrā gō bārā múcānā trā dāīn, amé aysārā am bdāǰ. gušt ke: dāīn. 46 dāt uštīrā. Nēkī-dar-ǰiyān burt. 47 ē cōrīāǰ pis Nēkī-dar-ǰiyānā drust na kurt. 48 ē pīra-márd pañǰá uštīrā burt, ā-kaštīrā ke šut, ar járrē be watī jahá šut. pīra-márd be maǰdānā mānt bē uštīr. 49 ā uštīrā Nēkī-dar-ǰiyān burt watī gēsá, watī zāgā gušt ke: kārčá bi^yār ke uštīrā pkušīn. 50 Nēkī-dar-ǰiyānāǰ jānīk amá kārčá cēr kurt, watī brāsá gušt ke: kārč wadīyā na bīt, písá bguš ke bāǰt, wadī pkan. 51 watī písá tawár kurt ke: kārč wadī^uā na bīt, bi^yá, wadī pkan. 52 písī gušt ke: bi^yā, uštīrā psāt, man wadī^yā kanīn. 53 ē cōrī ō jānīk ar dō šútant. 54 písī āt pa kārčāǰ gaštīnā, uštīrā be zāgāǰ dastá dāt. 55 jānīk watī brāsá gušt ke: uštīrā bil ke āp b^uārt ke tunnág int. 56. cōrī gušt ke: uštīr āpā na wārt. 57 jānīk gušt ke: aysārā ša sarāǰ bzūr ke uštīr āpā wārt. 58 cōrī uštīrāǰ aysārā ša sarāǰ zurt. 59 uštīr māī^uē büt, wat rā be āpāǰ tā prēnt. 60 cōrī tawár kurt watī písá: biyá ke uštīr be āpāǰ tā kapt. 61 Nēkī-dar-ǰiyān āt ō wat rā saǰlāū^yē kurt, be āpāǰ tā prēnt, káptē

be māāāi padā, rasēntág na kúrti. 62 *ā cōrī dár kapt, wat rā kapótē kurt, pír kurt. pír kurt ō šut, amá watí nākóāi tā ništ.* 63 *amá bāg apt sāl at ke gúlā nā^y ā^oúrt, ē be ništ amé bāg múči gul ā^oúrt.* 64 *wat yak gulē büt, bāgwánāi dastá kapt.* 65 *bāgwán éšā burt, be pādsá dāt ke: tī bāg gul kurt.* 66 *Nēkī-dar-jiyán ša āpāi dár kapt, dist ke cōrī wat rā kapótē kurt ō pír ku(rt).* 67 *Nēkī-dar-jiyán wat rā šānākē kurt ō padāi kapt.* 68 *šut be mā pādsá^yāi bāgā, dist ke amé gul amāi kār ant, ammá jīndi ēdā nāišt.* 69 *sāi^l kurtá: be pādsá^yāi dastá int.* 70 *wat rā yak malángē kurt ō šut be pādsáāiā ke: amé gulā bdāi be man.* 71 *pādsá yār kurt ke: apt sāl int ke mnē bāg gul na kurtá, nū^r ke gul kurtá, ta ša man aloťāi. na dāin trā.* 72 *ē maláng šut. aīdāi rōčā āt.* 73 *gušt ke: marōči aīdāi rōč int, bdāi amé gulā be man.* 74 *pādsá yār kurt, amé gulā jat be đigārā.* 75 *ē gul kuncitāi dānág büt, pāš-pāš büt.* 76 *wat yak dānágē kuntīč büt, pādsāi kaušāi tā kapt.* 77 *Nēkī-dar-jiyán yak galá múrgē büt ō binā be dānókāi čitinā büt.* 78 *ā cōrī ša kaušāi tā dár kapt ō šagālē büt, binā be amé murgānī giptinā büt, murgānā yak-yak gipt ō wart.* 79 *duwārág wat mardúmē büt.* 80 *pādsá aīrān mānt. gušt ke: čē sabábē?* 81 *cōrī gúšti ke: ē Nēkī-dar-jiyán int. man wártun-ī, š-āi zōrāk bútum.* 82 *cōrī šut, Nēkī-dar-jiyānāi jānīka gipt.* 83 *duwārág at, pādsāi jānīkā am gipt.*

(Перевод)

1 Некогда был царь. 2 У царя был племянник (сын брата). 3 У царя была дочь. 4 Этот царский племянник сказал своему отцу: «выдай за меня дочь моего дяди». 5 Этот царь пошел к своему брату. 6 Сказал своему брату: «отдай свою дочь за моего сына». 7 Царь сказал: «моя дочь свободна сама выбрать». 8 Спросили девушку. 9 Девушка сказала: «пускай он принесет мне искусство Неки-дар-джиана («мирское благо», так звали волшебника), тогда я возьму его». 10 Он пошел и сказал сыну: «девушка так сказала: 11 «Неки-дар-джиан обладает искусством, и ему представлен годовой срок: 12 если кто в течение года овладеет его искусством, того он убивает, а кто не овладеет, также убивает». 13 Отец этого юноши отвел его к Неки-дар-джиану. 14 Неки-дар-джиан сказал: «пришли, так садитесь». 15 Неки-дар-джиан отправился на охоту, а юноша принялся тут играть в бабки; 16 вдруг увидел, сверху свалился комок. Посмотрел, оказывается там большой и высокий замок, 17 а на верху этого высокого замка девушка. 18 Эта девушка сказала ему: «так-то юноша, ты постигаешь премудрость Неки-дар-джиана!». 19 Юноша сказал: «что же поделаешь?». 20 Девушка сказала: «возьмешь меня, если я научу тебя?»

21 Юноша сказал: «да, я тебя возьму». 22 Девушка прочитала (заклинание); от чтения появилась дорога. 23 Эта девушка была дочь Неки-дар-джиана. 24 Она в науке была еще более сведущей, чем Неки-дар-джиан. 25 Юноша целый год учился здесь. 26 Как только Неки-дар-джиана не было, он уходил к девушке и там учился; если же он был, не уходил. 27 Втечение года он стал более сведущим, чем Неки-дар-джиан. 28 Как только год исполнился, отец юноши пришел за ним, чтобы увести его; 29 сказал: «ты не сможешь овладеть искусством Неки-дар-джиана; давай, пойдем, а то он убьет тебя». 30 Сын сказал: «хорошо, пойдем». Они пошли, а тотчас за ним пришел Неки-дар-джиан. 31 У Неки-дар-джиана был сын; он спросил своего сына: «куда он (юноша) делся?» 32 Сын сказал: «приходил его отец и увел его». 33 Неки-дар-джиан бросился вслед за ними. 34 Тот юноша обратился в верблюда; 35 сказал своему отцу: «будешь меня продавать, не отдавай моей упряжи; сколько бы денег тебе ни давали, упряжи не отдавай». 36 Неки-дар-джиан подошел, увидел, что он обратил себя в верблюда. 37 Неки-дар-джиан пошел к ним на встречу и обратил себя в купца: снарядил пятьдесят верблюжьих вьюков, нагрузил их и подошел. 38 Подошел сюда и сказал старику: «продаешь верблюда или нет?». 39 Старик сказал: «хорошо, продам». 40 Он сказал: «за сколько отдашь?». 41 Сказал, например, пятнадцать или двадцать червонцев. 42 Он сказал: «хорошо я беру». Сказал: «беру его, но ты отдай и упряжь». 43 Сказал: «упряжь не дам». 44 Сказал: «я дам тебе из моих верблюдов одного верблюда с его вьюком». Сказал: «не дам». 45 Сказал: «всех этих пятьдесят верблюдов со вьюком дам тебе, только отдай мне эту упряжь». Сказал: «отдаю». 46 Отдал верблюда. Неки-дар-джиан (взял и) повел. 47 Отец того юноши не узнал Неки-дар-джиана. 48 Старик повел пятьдесят верблюдов, но как только отошел подальше в другую сторону, все они стали зарослями по своим местам. Старик остался в степи без верблюдов. 49 А того верблюда Неки-дар-джиан отвел к себе домой и сказал своему сыну: «принеси нож, я зарежу верблюда», 50 Дочь Неки-дар-джиана спрятала нож и сказала своему брату: «ножа не найти, скажи отцу, пусть придет, отыщет». 51 Он своему отцу закричал: «ножа не найти, поди сюда, отыщи». 52 Отец сказал: «поди сюда, поддержи верблюда, я отыщу». 53 Сын и дочь пошли вдвоем. 54 Отец принялся искать нож, а верблюда передал сыну. 55 Девушка сказала своему брату: «дай верблюду попить воды, он хочет пить». 56 Юноша сказал: «верблюд не пьет воду». 57 Девушка сказала: «сними с него упряжь, пусть верблюд напьется». 58 Юноша разнуздал верблюда. 59 Верблюд обратился в рыбу и бросился в воду. 60 Юноша закричал отцу: «поди сюда, верблюд бросился в воду». 61 Неки-дар-джиан подошел и превратил себя в выдру, бросился в воду, кинулся за рыбой, но настичь не смог. 62 Тот юноша выскочил, обратил себя в голубя, полетел; полетел и исчез, спустился в сад своего дяди. 63 А уже семь лет, как тот сад не цвел; как только он спустился, весь тот сад сразу зацвел. 64 Сам он обратился в цветок и попал в руки садовнику. 65 Садовник

понес его и отдал царю: дескать, твой сад зацвел. ⁶⁶ Неки-дар-джиан выскочил из воды, увидел, что юноша обратил себя в голубя и полетел. ⁶⁷ Неки-дар-джиан превратил себя в сокола и полетел по его следам, ⁶⁸ направился к саду того царя, увидел, что эти цветы его дело, но самого его там нет. ⁶⁹ Посмотрел: он в руках у царя. ⁷⁰ Превратил себя в нищего (юродивого) и пошел во дворец к царю: дескать, дай мне этот цветок. ⁷¹ Царь разгневался: дескать, семь лет уже, как мой сад не цвел, а теперь, когда он дал цветы, ты их требуешь: не дам! ⁷² Нищий ушел. В день праздника пришел; ⁷³ сказал: «сегодня день праздника, дай мне тот цветок». ⁷⁴ Царь разгневался, бросил тот цветок на землю. ⁷⁵ Цветок обратился в семена кунджута, они рассыпались. ⁷⁶ Сам же (юноша) превратился в кунджутное зерно и завалился под царский башмак. ⁷⁷ Неки-дар-джиан сделался стаей кур и принялся клевать зерна. ⁷⁸ Тот юноша выскочил из-под царского башмака и превратился в шакала, принялся хватать куриц; куриц хватал одну за другой и съедал. ⁷⁹ Вновь обратился в человека. ⁸⁰ Царь изумился, сказал: «что за причина?» ⁸¹ Юноша сказал ему: «это Неки-дар-джиан, я его съел, я оказался сильнее, чем он». ⁸² Юноша пошел, взял дочь Неки-дар-джиана. ⁸³ Вновь пришел и взял также царскую дочь.

Ив. Зарубин.